

подчеркнуто, значит что в подлиннике написано красным; что точками — значит золотые литеры в подлиннике».

К тексту Остромирова Евангелия подведены в этой копии разночтения с каким-то другим; в трех местах около разночтений имеются карандашные приписки, говорящие о каком-то «Полоцком Евангелии». Это дает основание установить, что текст Остромирова Евангелия был впервые сличен с Евангелием XIV века, принадлежавшим Иоанно-Предтеченскому монастырю в Полоцке и известным своими многочисленными приписками (вкладными и данными), принадлежащими к древнейшим памятникам смоленско-полоцкого говора.¹ Однако самый текст этого Евангелия, как устанавливает акад. А. И. Соболевский, носит явные следы новгородско-псковского говора;² очевидно поэтому именно с этой рукописью было в первую очередь сличено Остромирово Евангелие, приписка к которому давала основание предполагать его написание в Новгороде. К тому же, в годы, когда Остромирово Евангелие поступило в Публичную библиотеку, здесь было еще не так много древнерусских Евангелий, тем более новгородского происхождения. И когда в Библиотеке появилось так называемое Милятино Евангелие кон. XII—нач. XIII в., написанное в Новгороде, оно было сразу же сверено с Остромировым.

Сверку этих двух памятников древнейшего периода истории русского языка производил сам владелец Милятина Евангелия П. К. Фролов — известный в свое время горный инженер, знаток русской книжной старины, владелец первого из частных собраний древнерусской рукописной книги, переданных в Публичную библиотеку. Посылая в 1813 году в Публичную библиотеку Милятино Евангелие, Фролов писал Оленину, что в этой книге одно слово «означено так же, как в Евангелии Остромира».³

Перечисленные документы сохранили мало сведений о лицах, впервые работавших над Остромировым Евангелием; например, ничего не известно ни об авторе заметки в «Лицее», ни о том, кем была сделана первая копия с Евангелия. Невероятно, однако, предположить, чтобы к этому не имел отношения А. И. Ермолаев, бывший некоторое время личным секретарем Оленина, а затем до конца дней своих связанный с ним по работе в Публичной библиотеке и в Академии художеств. Биография Ермолаева до сих пор не написана; мало изучена его деятельность на посту хранителя Отдела рукописей, который он занимал с 1812 года до своей смерти (в 1828 г.), нет точных сведений об его ученых трудах. Но недаром Ермолаев славился не только как археолог, но и как палеограф: его учениками по этой части считали себя Карамзин, Оленин и, наконец, Востоков, с именем которого обычно связывается начало изучения Остромирова Евангелия.

Действительно, ни у Оленина, ни у Фролова, ни даже у Ермолаева не было необходимых лингвистических знаний и опыта для подготовки научного издания Остромирова Евангелия. Поэтому за Востоковым (поступившим в Публичную библиотеку в 1815 г.) остается заслуга первого научного исследователя Остромирова Евангелия, издавшего его как с палеографическим, так и с лингвистическим совершенством.

Труды Востокова сразу же привлекли внимание ученых славянских стран — Добровского, Ганки, Шафарика, Миклошича и других и положили начало огромной литературе об Остромировом Евангелии. Подавляющее

¹ Шифр F п I № 17 Подробнее см.: Е. Э. Гранстрем. Описание русских и славянских пергаменных рукописей Л., 1953 (Труды Отдела рукописей ГПБ), стр. 41—45

² А. И. Соболевский. Смоленско-полоцкий говор в XIII—XV вв. Русский филологический вестник, 1886, т. XV, № 1, стр. 17

³ Архив ГПБ, 1813 г., дело № 7, л. 26.